

У каждого своя судьба.

Приблизиться к её разгадке можно было в шестнадцать лет, в совершеннолетие, когда приоткрывалась завеса тайны. Процесс имел вероятность быть как лёгким, так и неожиданно трудным, и вся запутанность этого явления была обусловлена появлением на теле метки с именем предначертанного судьбой человека, которую обычно называли «именной печатью».

Чем сильнее была связь между родственными душами, тем темнее становились буквы на коже, отражая глубину их отношений. В противовес этому, если цвет именной печати был бледным, даже поиск своего спутника был тем ещё испытанием. Тем не менее, встреча двух соединённых метками людей была неизбежна. Никто не знал, когда это произойдёт, однако Создателем всё же было спланировано то, что человек рано или поздно отыщет носителя нужного имени.

Были и те, кто шли против замысла небес и выбирали других партнёров. Но истинная любовь никогда никого не миновала. С появлением именной печати на теле судьба человека переплеталась с этим именем. В связи с этим, вопреки всему и несмотря ни на что, пути родственных душ всегда пересекались.

Цзинь Е, правительница империи Хван, думала об этом как о самом сильном проклятии, обрушенном Создателем на мир. «Судьба» и «любовь» были ужасными понятиями, и они не представляли из себя ничего кроме простора для полётов фантазии и красивой лжи для доверчивых. Поэтому императрица давно знала, что лучше им не верить, и отказывалась даже говорить о подобных ничем не подкреплённых вещах.

Далеко ходить Цзинь Е, чтобы найти своим убеждениям подтверждение, было не надо: её родные родители также были предначертаны друг другу Создателем, но союз их был лишён всякой любви, и своих детей они даже никогда не держали на руках. По этой причине даже родительская любовь к детям стала для Цзинь Е ещё одним заблуждением. Любовь — полная иллюзия.

И всё же, даже императрица не могла скрыться от небесного замысла.

Повернувшись боком к хорошо отполированному зеркалу, Цзинь Е расстегнула воротник императорского платья и оголила бледное плечо. В зеркале показалось одно слово, словно чернилами выведенное на гладкой коже: «Янь», часть императорского головного убора*. Нет сомнений, они скоро встретятся.

П.п.: Мянгуань — традиционный головной убор древних императоров, янь — название длинной прямоугольной деревянной доски мянгуаня у династии Хань.

Надпись на теле Цзинь Е начала проявляться около четырёх месяцев назад. Поначалу похожая на кляксу, со временем надпись приобрела понятные очертания. Остаток имени скрывался под воротником, но та его часть, что была видна, уже въелась в кожу острым ножом и имела чёткие очертания. Желания читать имя полностью у Цзинь Е не было.

Каким образом она, император, оказалась связанной с человеком, в имени которого был такой беспардонный иероглиф? Желание стоять выше императора — невероятное оскорбление. Но даже при этом тёмный цвет именной печати означал, что ждать свою судьбу Цзинь Е осталось недолго. Предположение было логичным, так как правая рука императора Соёп прошерстил всю империю в поисках предначертанного ей партнёра.

По правде говоря, было довольно странно, что на теле императора так долго не появлялась метка, после того как ей исполнилось шестнадцать. Конечно, у каждого мета проявляется в своё время, но на коже Цзинь Е слишком долго не было никаких признаков появления именной печати. По этому поводу император не беспокоилась. Что касается детей, планов растить их у Цзинь Е не было, поэтому особой роли эта метка не играла. Но когда имя всё-таки появилось, всё резко изменилось.

Цзинь Е пробормотала в пустоту:

— Значит, Янь?

Император на мгновение остановилась, погружённая в мысли, пытаясь вспомнить семью с такой фамилией, и где они живут.

— Ваше величество, — послышался голос доверенного подручного Цзинь Е, — Чо Соёп, ваш верный слуга, прибыл.

— Можешь войти.

Тень бдительного человека приблизилась. Дверь мягко открылась, откуда показалась величественная фигура Соёпа. В теплом свете малиновых фонарей его глаза расширились, и взгляд резко опустился на пол при виде обнажённого плеча императора. Даже случайно верный слуга никогда не должен смотреть на обнажённую кожу императора. Соёп поспешил поклониться в знак извинения и сказал:

— Пожалуйста, простите неучтивость смиренного подданного, ваше величество.

— Тебе не за что извиняться, — Цзинь Е тихо рассмеялась. Обнажённое плечо императора уже было прикрыто.

Соёп был необычайно честным человеком, именно поэтому он был в милости императора. Как будто в доказательство стойкости его характера, Соёп был рядом с императором более десяти лет — ещё до того, как она взошла на трон. За всё это время он не вызвал ни малейшего подозрения, доказывая свою непоколебимую преданность на каждом шагу, отказываясь уходить даже тогда, когда жизнь императора оказалась под угрозой после того, как она была свергнута как наследница престола. Более того, Соёп дослужился до должности генерала доблестной кавалерии в разгар войны. Этот случай был беспрецедентным для такого молодого человека. Тем не менее, он оставил эту почётную должность, чтобы стать верным слугой Цзинь

Е, подчиняющимся исключительно приказам своего императора.

Соёп опустился на одно колено, когда Цзинь Е прикрыла оскорбительную надпись. Император обернулась и, посмотрев на Соёпа сверху вниз, сказала:

— Если ты вернулся, это значит...

— Я нашёл его.

Соёп был отправлен в сельскую местность, где пробыл некоторое время. Ему было приказано в обязательном порядке найти человека, чьё имя было начертано на теле императора. Таким образом, человек, которого он нашёл, несомненно, был предопределён судьбой императору империи Хван.

Её судьба.

Имя, которое судьба высокомерно приказала императору хранить в сердце.

Цзинь Е должна была увидеть лицо этого человека хотя бы раз.

— В этот раз ошибки быть не может.

Соёп медленно поднял голову. Свет фонарей отражался в его глазах, в которых легко читалось страдание и очевидное замешательство, вызванное словами императора. Разве он не собирался найти её суженого? Цзинь Е продолжала спокойно смотреть на Соёпа сверху вниз, в то время как мужчина вёл себя как собака, пытающаяся прочесть мысли своего хозяина.

Соёп снова опустил голову. Его голос слегка дрожал, когда он спросил:

— Возможно... имя стало чётче? — было ясно, что сама идея вызвала у него отвращение. Соёп опустил голову ещё ниже, чтобы Цзинь Е не смогла увидеть его лицо, затем крепко зажмурил глаза, будто готовясь к удару.

— И вправду, — ответила император. — Намного темнее, чем раньше.

Соёп промолчал.

— Ну, где же этот мой предначертанный возлюбленный?

Выражение лица Соёпа посуровело.

Когда Соёп снова не ответил, император тихо к нему обратилась:

— Соёп.

— Привёл его к императорскому двору.

Соёп говорил о нём как о предмете. Было ли это потому, что суженый императрицы был скромного происхождения? Соёп был глубоко предан. Вероятно, он ненавидел это ничтожество за то, что оно было предназначено судьбой его госпоже, самому величественному существу империи. Цзинь Е поняла, на что намекал Соёп, но предпочла не упрекать его за это. Вместо этого императрица лёгкими и грациозными шагами приблизилась к Соёпу и остановилась рядом с ним.

— Веди.

* * *

— Выходит, это ты, — сказал мужчина.

Незнакомец поднял шум, пытаясь понять, куда его приволокли, ещё и прочесав в процессе всю деревню. Другие жители деревни бросились к его хижине, обеспокоенные тем, что у него могут быть неприятности. Мужчина объявился быстро.

Речь шла, конечно, о Чо Соёпе. Как только он убедился в том, что нашёл нужного человека, то, не теряя времени, приказал ему сесть в роскошный экипаж. В некотором смысле всё это выглядело как похищение.

Никогда прежде он не видел такой вычурной кареты. Позолота и красный шёлк излучали роскошь. У него не было сомнений, что шёлк, обтягивающий мягкое сиденье под ним, стоил гораздо больше, чем одежда, которую он носил.

Чо Соёп, который вёл экипаж, очевидно, занимал высокое положение. Его плечи были крепкими, спина — прямой, осанка — идеальной, а манера речи — спокойной. Дело было не только в его изысканной одежде. Всё в нём говорило о том, что он родился и вырос в благородном доме.

И всё же слова Соёпа эхом отзывались в его голове:

— Нет благороднее человека, чем тот, которому ты будешь служить.

Эти слова поразили его. Казалось невозможным, что человек такого происхождения мог приписывать ещё более исключительный уровень превосходства кому-то другому.

— Каждое движение, каждое слово, и даже каждый твой вдох... — продолжал Соёп. — Ты будешь очень осторожен во всём, что делаешь. — Прозвучало так, будто Соёп с радостью лишил бы его головы, сделай он хоть что-нибудь не так.

Мужчина поджал губы; его взгляд упал на меч, висевший на поясе Чо Соёпа. Не было никаких сомнений в том, что этот человек был владельцем самого острого клинка. Он не видел оружие вне ножен, но огрубелые руки Соёпа позволяли легко предположить, что меч действительно был тщательно заточен.

Мужчина оказался совсем один в неизвестном месте. Окружающие его виды и звуки были совершенно чужими и незнакомыми. Он задавался вопросом, почему здесь так много книг — целая стопка увесистых томов у стены. Мугэнь не был полностью уверен, но предположил, что каждый предмет внутри комнаты стоил баснословных денег. Даже стул, на котором он сидел, казалось, сверкал. Этот человек никогда в жизни не видел настолько красивого стула.

Стоило ему оглядеться, как глаза засветились от любопытства, но мгновенно он почувствовал на себе испепеляющий взгляд сбоку. Решив действовать осторожно, он успокоился и слегка притих. Только тогда человек, охранявший его, наконец повернулся обратно к двери. Беспричинная угроза нависла над ним, вызывая беспокойство.

Он был сыном простолюдинов. Несмотря на то, что он родился в скромной семье, сейчас он сидел в месте, которое раньше представлял только в своих самых смелых мечтах. При обычных обстоятельствах для человека его происхождения было бы невысказанно оказаться в подобном месте.

Императорский дворец.

Погружённый в свои мысли, он ворошил в памяти вызывающее трепет величественное сооружение. В этот момент он вспомнил чёткие слова Соёпа, которые, учитывая обстановку, начали звучать тяжелее:

«Нет благороднее человека, чем тот, которому ты будешь служить».

Что бы это могло значить? Он понятия не имел, с какой стати его притащили сюда. Он не помнил, чтобы когда-либо совершал государственную измену. Не то чтобы обычный простолюдин вообще мог принимать участие в чём-то подобном. Такие серьёзные преступления совершались только властными людьми; слабые, с другой стороны, могли позволить себе в лучшем случае украсть зёрнышко риса. Из-за такого мелкого преступления в Императорский дворец никого бы не повели.

Он не понимал, почему он здесь.

Громкий голос снаружи прервал его мысли:

— Её величество император.

Глаза Мугэня расширились, его тело оцепенело в неверии. После упоминания императора разум опустел, мысли на мгновение как будто перестали функционировать. Ошеломлённый неожиданным поворотом событий, он оказался в растерянности, не зная, как действовать дальше.

Поскольку волнение Мугэня всё возрастало, к нему потянулись охраняющие его люди. Две фигуры встали по бокам и схватили мужчину за руки. Они заставили его подняться со своего места, затем силой снова опустили на колени. Грубость, с которой они обращались с ним, привела к тому, что его лицо оказалось в опасной близости от пола, что заставило его смотреть на гладкую деревянную поверхность. Несмотря на растущую тревогу, мужчина чувствовал, что у его охранников не было необходимости валить его вниз. Он был хорошо знаком с актом преклонения колен.

Сообщение грубых рук, сжимающих его, было доставлено: они заставят его соблюдать приличия, даже если ему не хватит знаний о надлежащем этикете. Когда эта мысль сформировалась в его сознании, он не мог не подумать, что это немного чересчур.

Двери со скрипом открылись, и в поле зрения мужчины появилась пара черных туфель. Одновременно все вокруг Мугэня быстро пали ниц. Их тела склонились в почтительном поклоне. Затем голоса зазвучали в унисон, когда они произнесли:

— Будьте благословенны, ваше императорское величество.

Резкий толчок в бок заставил его последовать примеру. В ответ Мугэнь поспешно пробормотал:

— Б-будьте благословенны.

Шёпот снова пронёсся по комнате, вынуждая его добавить:

— Ваше величество.

Так же тихо последовало указание:

— Не... поднимай голову.

Но было слишком поздно. Весь на нервах, он случайно поднял взгляд до того, как голос закончил фразу. На лицах людей вокруг него было написано явное недоверие, но ущерб уже был нанесён.

Сначала его взгляд упал на Соёпа, на лице которого безошибочно читалась суровость.

Мужчина молча упрекал его за такую дерзость, за то, что он осмелился поднять голову в присутствии императора. Однако Соёп быстро исчез из поля его зрения.

Другая фигура захватила его внимание.

Мугэнь лишился дара речи. Его рот приоткрылся, а грудь сдавило от переполнявших эмоций.

Фигура, стоявшая перед ним и вызывавшая почтение у всех присутствующих, несомненно являлась императором Хван. Облачённая в императорскую робу с золотым драконом, девушка бросила на мужчину бесстрастный взгляд. Больше всего Мугэня поразила ослепительная красота императрицы, излучающей сказочное очарование.

У императора были малиновые глаза, не похожие ни на что, что Мугэнь когда-либо видел в своей жизни. Обрамлённые ресницами, они выделялись, хотя при этом оставались элегантны. Острый нос, губы в форме бантика и изящный контур гладкого подбородка завершали облик несравненной красоты. Никогда прежде он не встречал людей с такими изысканными чертами лица.

Мог император быть ангелом, сошедшим с небес?

Всё остальное растворилось в забвении в момент, когда их взгляды встретились. Сердце Мугэня, казалось, откликалось на каждый взмах ресниц императора в совершенной гармонии. Онемев от изумления, он оставался прикованным к полу, не в силах отвести взгляд.

— Как нагло с твоей стороны, — тихий сладкий голос сорвался с губ, таких тонких, будто их нарисовали самой маленькой кисточкой.

Лицо императрицы приблизилось к его, когда она размеренной походкой подошла ближе. Тонкий указательный палец очертил его подбородок.

— Ваше величество, — предостерёг Соёп, стоявший рядом с императором, но его слова были проигнорированы. Нежное прикосновение к подбородку стало крепким захватом, заставившим Мугэня встретиться с непоколебимым взглядом императора.

Малиновые глаза императора отливали жемчужным блеском, излучая пленительную и загадочную ауру, отражая танцующие огоньки свечей. В их глубине Мугэнь мельком увидел своё собственное отражение. Зрелище было таким невероятным, что оно заворожило его.

Придирчивый взгляд императора скользнул по Мугэню, изучая его. Затем три слога, из которых состояло его имя, внезапно украсили нежные губы императора.

— Ты Янь Мугэнь?

Застигнутый врасплох, Мугэнь мог только кивнуть в ответ.

— Да, ваше величество...

Как только Цзинь Е услышала его ответ, то повернула голову к Соёпу и спросила:

— Где, ты сказал, она на его теле?

— На бедре, — сказал Соёп.

— Бедро, говоришь... — размышляла вслух Цзинь Е, обдумывая ответ Соёпа, прежде чем отпустить подбородок Мугэня. Затем император выпрямилась и отдала команду тем, кто окружал мужчину: — Разденьте его. Я хотела бы увидеть доказательства своими собственными глазами.

Глава Янь Мугэня широко раскрылись.

— Прощу прощения? — пискнул он. Он был заметно потрясён приказом, но Цзинь Е оставалась невозмутимой. Люди, получившие приказ императора, быстро приблизились к Мугэню.

За считанную секунду с него спустились штаны.

— Чт-что за-?

Многочисленные взгляды стали свидетелями его наготы.

В тщетной попытке оградить себя от смущения, он инстинктивно попытался прикрыться, но безрезультатно. Соёп подошёл ближе. Его холодные глаза, лишённые каких-либо эмоций, смотрели на Мугэня сверху вниз. Властным ударом ножен Соёп заставил его раздвинуть ноги.

Багровый оттенок унижения распространился по лицу Мугэня. При этом действия Соёпа позволили Цзинь Е увидеть яркие буквы, начертанные на внутренней стороне бедра Мугэня.

Цзинь Е.

Имя правителя империи Хван. Имя женщины, стоявшей перед ним.